

Л.А. Бенько, В.А. Должиков

Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации*

L.A. Ben'ko, V.A. Dolzhikov

Radicalism as a «Threat» of National Security in the Contemporary Russian Federation

Статья посвящена исследованию идеологического понятия «радикализм» в научном обороте современной отечественной и зарубежной политико-исторической науки, а также изучению законодательства Российской Федерации с точки зрения мотивации возможного запрета на распространение радикализма как особой политической идеологии.

Ключевые слова: радикализм, национальная безопасность Российской Федерации, экстремизм.

В связи с прокатившейся по Ближнему Востоку волной «цветных» революций отечественные и зарубежные СМИ до сих пор активно обсуждают проблематику реальной (или мнимой) угрозы международной безопасности, которая может исходить со стороны самых разных общественных группировок. Отличительным свойством такой угрозы многие авторы склонны считать радикальные методы и средства, используемые участниками подобных движений для реализации своих, далеко не всегда понятных наблюдателям, политических целей независимо от их принадлежности к тому или иному направлению. Тем не менее в контексте публичной дискуссии вокруг данной темы наряду с верными оценочными комментариями нетрудно заметить признаки манипулирования со стороны части аналитиков ключевыми понятиями «радикальный», «радикальность» и «радикализм». Зачастую все они присутствуют в научном обороте современной отечественной политологии в качестве терминов, будто бы вполне равноценных по своему этимологическому значению. Но если первые два понятия, на наш взгляд, можно считать адекватными для идентификации смысла политических действий современных «революционеров», то правомерность широкого использования третьего из них вызывает обоснованные сомнения. Действительно, возникает вопрос: что же, во-первых, на самом деле представляет собой радикализм как особая политическая идеология, а, во-вторых, насколько реальной является исходящая

This article is devoted to the exploration of ideological concept “radicalism” in the scientific circulation in the modern domestic and foreign political and historical science, and to the study on the legislation of the Russian Federation from the point of view of the possible motivation to put a veto on the dissemination of radicalism as a specific political ideology.

Key word: radicalism, national security of the Russian Federation, extremism.

от него угроза для национальной безопасности современной России?

Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос и перейти к аналитической характеристике самой сути данного феномена, необходимо пояснить мотивацию выбора терминологии, которая используется авторами. В частности, следует особо выделить ключевое понятие «национальная безопасность», которое приводится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (далее Стратегия 2020). Согласно дефиниции данного понятия, «национальная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [1]. Наконец, необходимо уточнить и собственно идеологический смысл термина «радикализм». Поскольку существуют различные авторские точки зрения по данному вопросу, мы попытаемся изложить некоторые из них подробнее.

Отечественные авторы нередко забывают о том, что изначально понятие «радикализм» интерпретировалось в положительной, а не в негативистской коннотации. Например, в «старой, доброй Англии» XVIII в. – исторической родине аутентичного варианта этой идеологии – радикалами называли тех обще-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках федерального государственного задания (проект №6.3042.2011 «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России»).

ственных деятелей, кто выражал и защищал интересы базовых слоев будущего буржуазного среднего класса: городских ремесленников, предпринимателей-собственников, фермеров, квалифицированных рабочих, подвергавшихся дискриминации неконформистов-католиков и других политически бесправных подданных британской короны [2]. Обращаясь к нуждам своего класса, сторонники «народного» радикализма боролись за проведение в стране глубоких социальных реформ. Политические взгляды и деятельность первых английских «народников»-радикалов вполне можно характеризовать как леволиберальные, поскольку, предлагая реформистский путь решения проблем общенационального масштаба, они выступали против использования в политике насильственных методов борьбы [2].

Таким образом, термин «радикализм» исторически связан с Англией второй половины XVIII в., а использовалось данное понятие изначально для идентификации левой версии буржуазного демократического либерализма. Далее, уже в XIX в., именно в таком, аутентичном варианте идеология радикальных реформ получила широкое распространение во Франции, а затем и в других странах континентальной Европы.

Характерно, что среди видных русских политических мыслителей-эмигрантов демократическая версия радикализма нашла в середине XIX в. своих адептов. Так, будущий основатель идеологии классического народничества Михаил Бакунин уже в 1840-е гг. причислял себя к действующей в Европе транснациональной «партии радикалов». По его оценке, «самоуправление народа составляет принцип, лежащий в основе всех взглядов радикалов», а «вся сила радикалов заключается в публичности». А вот «замалчивание есть необходимая участь так называемой консервативной партии, которая нуждается в народе только как в средстве и не видит в нем цели». По определению М. Бакунина, сторонники радикализма убеждены в том, что «народ сможет сам собой управлять лишь постольку, поскольку он является совершеннолетним и самостоятельным». Однако до такого высокого уровня гражданского политического «совершеннолетия» народ поднимется «только путем образования». Поэтому европейские радикалы XIX в. «специально работали над улучшением школы и развитием народного образования». Наиболее сильной стороной политического радикализма, утверждал русский мыслитель-интернационалист, является просветительство, приоритетность образования. «Уже в Евангелии, – акцентирует он христианские истоки данной идеологии, – сказано: “Познают истину, и истина освободит их”» [3, с. 134].

Наиболее выдающимися французскими сторонниками радикализма являлись Л. Гамбетта, Л. Буржуа, Ж. Клемансо и др. Все они были выходцами из мелкобуржуазных и крестьянских слоев общества,

которые смогли получить доступ в университеты по мере развития в стране системы высшего образования. Французские радикалы зарекомендовали себя в качестве принципиальных сторонников парламентской республики, активно защищали в конце XIX – первой половине XX в. традиционные институты демократии. До сих пор во Франции успешно действует Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов, отметившая в 2001 г. свой столетний юбилей [4]. В конце XIX в. одним из лидеров французских радикалов-социалистов Л. Буржуа была сформулирована доктрина солидаризма. Суть ее состоит в том, что молчаливым соглашением между гражданами республики устанавливается некий договор, в силу которого они обязуются исполнять установленные государством социальные повинности пропорционально выгодам, которые приносит им такой консенсус. Причем общегражданская солидарность и поныне остается неотъемлемой нормой французской политической культуры [4]. В рамках исповедуемой сторонниками левого радикализма концепции социальной демократии во Франции эффективно работают до сих пор на общее благо и все другие из вышеназванных идеологических приоритетов.

Итак, в аутентичном, сущностном смысле «радикализм» должен ассоциироваться отнюдь не с пресловутой крайней «революционностью» (читай с экстремизмом!), а с достаточно умеренной, реформистской моделью эволюции политического процесса. Именно такая, адекватная трактовка данного понятия и утвердилась в современной европейской политологии.

Несколько иная интерпретация сущности радикализма возобладала с начала 1990-х гг. в российской политической науке. Так, согласно доминирующим отечественным трактовкам, эту идеологию отличает прежде всего «стремление к решительным методам и действиям в политике» [5, с. 328]. Иначе говоря, важным признаком данной идеологии считается последовательность в процессе самореализации ее адептами собственных политических приоритетов. По мнению Г.И. Авциновой, подобная дефиниция проистекает из этимологии понятия. Термин «радикализм», как известно, восходит к позднелатинскому слову «radicalis», что значит «коренной», «корневой» и к латинскому «radix» – «корень». Поэтому собственно радикальными преобразованиями политической сферы общественной жизни, с такой позиции, могут считаться лишь глубинные, главные, коренные, фундаментальные трансформации системного порядка, но никак не чисто внешние, поверхностные «косметические» изменения [6, с. 47].

Тем не менее подобный подход отечественных исследователей к проблеме не учитывает должным образом степень «последовательности» сторонников этой идеологии, темпы и главный вектор целеустремленности таких преобразований. Если радикальные пере-

мены в парадигме политического процесса понимать как идущие «к корням» или, напротив, «от корней», то в данном случае подразумевается обращение к фокусу фундаментально важных для общества ценностей. А тогда сами глубинные, «коренные» изменения внутри системы происходят более или менее постепенно, путем последовательных реформ. Если же осуществлять радикальные изменения по принципу «вырвать с корнем», «смести до основания», «сломать на корню» отжившие структуры, тогда уже в данной трактовке вольно или невольно радикализм отождествляется с экстремизмом «левого» или «правого» толка. [6, с. 47]. Вряд ли подобное отождествление является корректным и с теоретической, и с практически-политической точек зрения. Кстати говоря, именно подмена понятий, когда «экстремизм» и «радикализм» слиты в одно целое, остается довольно распространенным приемом в современной отечественной политологии, не говоря уже о публицистике.

В то же время в западных справочных изданиях, литературе последних лет наблюдается тенденция к отходу от столь узкого и однозначного рассмотрения этого явления. Во многих словарях политических терминов подчеркивается, что хотя словом «радикальный» и обозначаются чаще всего субъекты, действующие в левом и отчасти правом сегментах современной политики, тем не менее, используется и такое понятие, как «радикальный центр». К примеру, «Немецкий словарь политических терминов» отделяет радикализм от крайних, экстремистских идейных течений, настаивая на полном их тождестве. В этом справочнике подчеркивается, что даже в том случае, когда «насилие преимущественно используется радикальными группами, оно, однако, не является специфическим признаком радикализма, а характеризует терроризм» [6, с. 47–48]. Следовательно, «радикализм» как идеологию, как систему определенных политических взглядов недопустимо смешивать с «крайними», экстремистскими формами политических практик. Что же касается прилагательного «радикальный», то зачастую оно не имеет прямого отношения к «радикализму» как идеологии, а используется обычно в виде чисто идентификационного дополнения к какому-либо политическому действию.

Относительной популярностью у некоторой части авторов пользуется социально-психологический подход, самостоятельно трактующий радикализм через темперамент, выражающийся в готовности, в своего рода предрасположенности тех или иных партий, фракций, движений, группировок, их лидеров к решительным методам и действиям в политике. Примером тому может быть определение радикализма как «принципа», который диктует соответствующее «стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов», не допуская никаких компромиссов. При такой интер-

претации радикализм является скорее продуктом темперамента, чем убеждений. Получается, что возможны в одинаковой степени как радикальный консерватизм, так и радикальный социализм [6, с. 48].

Учитывая вышеперечисленные трактовки, можно сделать вывод, что демократический («либеральный» и «социальный») радикализм, как идеология, как своего рода политический феномен – это явление, которое не представляет серьезную угрозу для национальной безопасности страны. Ибо, выходя за рамки решительных действий, его недавние приверженцы способны, конечно же, под влиянием внешних факторов трансформироваться в политических экстремистов либо террористов. Но тогда «радикализм» неизбежно утрачивает свою суть и становится только прилагательным («радикальным») по отношению к какому-либо движению, утрачивая свою первоначальную самодостаточность и самостоятельность. Если мы обратимся к ныне действующим нормам российского законодательства, то заметим, что специального закона, который бы запрещал «радикализм», нет. Зато экстремизм и терроризм рассматриваются как тяжкое уголовное преступление.

Согласно версии авторов «Политической энциклопедии», экстремизм (прежде всего политический) характеризует приверженность к самым крайним взглядам. Его распространению способствуют деформации политических институтов, резкое падение жизненного уровня, отсутствие социальных перспектив и связанные с этим депрессивные настроения, отсутствие необходимых социальных условий для легитимной самодеятельности и самореализации индивида, неполнота бытия, страх перед будущим, подавление властями оппозиционного инакомыслия, национальный гнет, завышенная амбициозность лидеров политических партий, сознательная ориентация лидеров и акторов политического процесса на экстремальные средства политической деятельности [7, с. 637–638]. Рассматривая причины экстремизма, указанные в данном справочном издании, можно сделать вывод: когда власть сужает поле действия различных групп, появляются экстремисты как протестное явление, которое осуждается и властями, и обществом. Тем самым мы подчеркиваем, что экстремизм нацелен прежде всего на действие.

Радикализм же – это скорее обдуманное мысли по изменению чего-либо, которые, скорее всего, поддерживает общество, но не поддерживает власть. И если мы посмотрим на ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», то в определении экстремистская деятельность (экстремизм), мы увидим, что экстремизм трактуется довольно широко. Это и насильственное изменение основ конституционного строя, и нарушение целостности Российской Федерации; и публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение

социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и т.д. [8].

Следовательно, закон предусматривает наказание прежде всего за конкретные формы деятельности. Подобного или иного закона «о радикализме», повторяем, сегодня в Российской Федерации не существует. И если мы обратимся к официальной концепции «Стратегии национальной безопасности», то там угроза национальной безопасности – прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороне и безопасности государства [1]. Следовательно, в более

обобщенном виде законодателем сформулированы положения, расшифровку которых мы можем констатировать и в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», и в определении данного понятия энциклопедическими справочниками. Тем самым, действуя в рамках правового поля, как политическая идеология радикализм не несет в себе какой-либо существенной опасности для национальной безопасности. Разумеется, сравниваемые в статье понятия довольно близки по форме, что собственно и дает некоторым авторам известные основания для их отождествления. Но даже в том случае, если одно вытекает из другого, тем не менее, эти два понятия разные. Итак, если уж рассматривать вопрос о законодательном запрете «радикализма», тогда необходимо ставить аналогичный вопрос и о запрете либерализма, консерватизма и других политических идеологий современности как опасного явления.

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/gazeta/2009/05/14.html>.
2. Романова М.И. Парламентская реформа 1832 года в Англии и ее последствия [Электронный ресурс]. – URL: <http://articles.excelion.ru/science/history/world/55306751.html>.
3. Бакунин М.А. Коммунизм // Анархия и Порядок. – М., 2000.
4. Канинская Г.Н. Истоки французского радикализма // Новая и новейшая история. – 2001. – №7.
5. Политология : энциклопедический словарь. – М., 1993.
6. Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: Концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник МГУ. – 1995. – №3.
7. Политическая энциклопедия. – М., 1999. – Т. 2.
8. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // «Консультант Плюс» (последнее обновление: 29.04.2008).